ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2021, том 91, № 4, с. 362–369

ЗА РУБЕЖОМ

ПОДХОД ФРГ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА В МАЛИ

© 2021 г. В. С. Мирзеханов[a,b,*], Ф. О. Трунов[b,**]

[a]Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
[b]Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
*E-mail: lum62@yandex.ru
**E-mail: 1trunov@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.
После доработки 01.02.2021 г.
Принята к публикации 24.03.2021 г.

В XXI в. изменилась природа многих конфликтов: вместо привычных межгосударственных мир столкнулся с внутригосударственными, но с международной окраской. Активное участие негосударственных акторов в современных конфликтах значительно снизило их управляемость, существенно усложнило урегулирование, в том числе со стороны международных посредников. В середине и второй половине 2010-х годов страны Запада (прежде всего Германия и Франция) сосредоточили большие усилия на урегулировании вооружённого конфликта в Республике Мали. На первый взгляд, этим усилиям противоречит выступление военных африканской страны в августе 2020 г., отстранивших от власти гражданское правительство во главе с избранным президентом. Авторы статьи ставят вопрос о том, какие новые элементы появились в перезапуске процесса урегулирования в Мали в 2020 г. и насколько нестандартные практики отвечают интересам государств – членов Евро-Атлантического сообщества (на примере ФРГ). Выбор именно этой страны обусловлен длительной тенденцией роста её влияния в Африке и в мире в целом.

Ключевые слова: вооружённые конфликты, урегулирование, международный терроризм, безопасность, миротворчество, Мали, Германия.

DOI: 10.31857/S0869587321040125

Силовая смена власти в Республике Мали 18 августа 2020 г. весьма слабо освещалась как отечественными, так и иностранными СМИ на фоне фокусирования на других информационных поводах – прежде всего ситуации в Белоруссии, а также проявлениях кризиса сложившегося партийно-политического ландшафта стран “коллективного Запада”. Между тем последствия событий в этой африканской стране могут оказать как минимум сопоставимое с указанными сюжетами негативное влияние на международную безопасность. Это, во-первых, обусловлено положением дел внутри самой Мали: как показал опыт 2012–2013 гг., фактор сепаратизма (прежде всего туарегского), помноженный на низкий уровень администрирования и слабость государственной системы в целом, с высокой долей вероятности может спровоцировать превращение государства площадью в 1.24 млн км^2 в огромный рассадник международного терроризма.

МИРЗЕХАНОВ Велихан Салманханович – доктор исторических наук, заместитель директора ИВИ РАН, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН. ТРУНОВ Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Географическое положение Мали, будучи помножено на особенности распространения нестабильности на африканском континенте в целом, превращает эту страну в задние ворота “коридора нестабильности”, идущего далее через Буркина-Фасо и Нигер к Ливии. Последняя после обрушения в ней в 2011 г. вертикали власти в условиях

гражданской войны и внешнего военного вмешательства в её ход группы государств – членов НАТО во главе с Францией и Великобританией превратилась в открытое окно, через которое на территорию стран Европейского союза проецируются мощные угрозы и вызовы безопасности. Прежде всего эти угрозы ассоциированы с перемещением атомарных структур международного терроризма – ячеек и отдельных боевиков, неконтролируемыми потоками беженцев из зон вооружённых конфликтов, а также контрабандой наркотических, взрывчатых веществ и оружия. Как показал аналогичный по содержанию кризис 2015–2016 гг., вызванный укреплением позиций террористических группировок на сирийско-иракском направлении, страны ЕС оказались не подготовлены к нему в стратегическом плане. Существенные, приближающие слом системы светской власти успехи террористических группировок даже в одном государстве "сахельской пятёрки" (Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад) приведут к тому, что указанный коридор нестабильности будет распахнут. Это вызовет хотя и отложенный по времени, но ощутимый негативный эффект в обеспечении безопасности Российской Федерации.

В реалиях августа 2020 г. кардинальная смена состава вертикали власти в Мали стала одним из многочисленных примеров неконституционных действий, направленных на изменение партийно-политической системы в разных странах мира. С нашей точки зрения, общий знаменатель этих явлений – наблюдаемая частичная, во многом стихийная разморозка в мире политических процессов, приостановленных в ходе первой волны пандемии COVID-19 весной–летом 2020 г. Одним из ограничителей тогда стало заметное снижение активности (политико-дипломатической, военной, экономической, информационно-идеологической) широкого круга международных игроков, включая ведущих, в борьбе с вызовами и угрозами международной безопасности. В полной мере складывающееся положение относилось к вопросам урегулирования вооружённых конфликтов. Другим ограничителем становится сокращение внешнеполитической ресурсной базы, которую государства могут использовать. Ключевых причин тому две – экономическая рецессия, сокращающая финансовые возможности, особенно в предоставлении официальной помощи странам-реципиентам, и рост в странах-донорах (в том числе Евро-Атлантического сообщества) внутренних проблем социально-политического характера, иллюстрацией чему становятся попытки резких, даже насильственных действий, сдвигов партийно-политического ландшафта. Это требует от элит постоянного поиска путей повышения эффективности внешнеполитических усилий.

Истеблишмент оказывается между Сциллой ослабления электоральной поддержки (притом динамика процесса находится в прямо пропорциональной зависимости от неудачных и чрезмерно затратных действий на мировой арене) и Харибдой сужения ресурсной базы на фоне усложнения обстановки во внешней среде. Так, уменьшение разноплановых, в том числе собственно военных, миротворческих усилий открывает широкое окно возможностей для перегруппировки и реорганизации структур международного терроризма с перспективой их перехода к активным наступательным действиям в зонах вооружённых конфликтов. Экономическая депрессия в охваченных ими странах, обусловленная во многом снижением внешней помощи и резким ослаблением мирохозяйственных связей, стимулирует приток безработных в ряды радикальных сил. Весьма опасным фактором становится сращивание террористических группировок с силами организованной преступности, что резко повышает их возможности, в том числе по созданию трансграничных зон поддержки.

Тревожная тенденция отчётливо проявилась ещё в докоронавирусный период – прежде всего в центральной, сопредельной с Буркина-Фасо, части Мали [1, S. 5]. Если террористические структуры демонстрируют существенное повышение уровня своей живучести, то государственная система в целом, в том числе высшее её руководство и силы безопасности (армия, жандармерия, полиция) страны, напротив, крайне медленный рост сопротивляемости актуальным вызовам, причём с элементами стагнации и даже спада [2, S. 17]. Соответственно, в процессе урегулирования вооружённого конфликта возрастает удельная значимость внешнего участия в нём – прежде всего наиболее влиятельных игроков, которые сталкиваются с возросшими в ходе пандемии COVID-19 трудностями. Изучение указанной динамики представляет интерес на примере ФРГ – одной из немногих стран "коллективного Запада", относящейся к категории "восходящих держав". Мы попытались исследовать, ограничившись рамками 2020 г., влияние фактора силовой власти в Мали на эволюцию подхода ФРГ к урегулированию вооружённого конфликта в этой африканкой стране.

В последнее пятилетие рассмотрению подходов международных игроков, прежде всего Франции, а также таких институтов, как ООН и ЕС, к борьбе с очагом нестабильности в Республике Мали уделялось повышенное внимание иностранных и отечественных исследователей. Однако события августа 2020 г. заставляют взглянуть на данный сюжет с качественно иного ракурса.

Прецедентом стала ситуация, когда организованная военными насильственная смена власти, отнюдь не соответствующая основополагающим демократическим принципам, происходит в госу-

дарстве, где группа стран Запада, начиная с 2013 г., прилагает масштабные комплексные, включая политико-дипломатические и военные, усилия по урегулированию. Наибольшую нагрузку из стран Евро-Атлантического сообщества несут именно Франция (Мали относится к зоне её традиционных интересов) и Германия [2, S. 12–16], всё более рассматривающая подключение к обеспечению стабильности в Мали и регионе Сахеля в целом как один из магистральных треков своего стратегического проникновения в Африку. В этой связи возникает вопрос: означают ли события 18 августа 2020 г. провал проводимой ФРГ линии на малийском направлении, свидетельствуя о полном отсутствии контроля над обстановкой, или, напротив, открывают окно возможностей для перезапуска пробуксовывающего процесса урегулирования?

Следует отметить, что методологически мы придерживаемся принципа детерминизма применительно к теории урегулирования вооружённых конфликтов. Он означает наличие или же отсутствие "точки невозврата" в среднесрочной (5–7 лет) перспективе с момента начала урегулирования. Если результата не наблюдается, реализуется один из двух базовых сценариев. Первый из них – деградация процесса урегулирования, то есть его переход, по сути, к поддержанию уровня нестабильности в границах определённого диапазона (в том числе заморозки как одному из вариантов). Это свидетельствует о сокращении спектра рисков нестабильности, которые проецируются из зоны вооружённого конфликта на внешних игроков. Реализация такого сценария с исключительно высокой долей вероятности приводит к новым вспышкам организованного насилия – вопрос лишь во времени и скорости нарастания напряжённости после очередного прохождения "точки бифуркации". Одна из причин тому – сложность для внешних сил сохранять значительный масштаб миротворческого присутствия, особенно военного, на протяжении десятилетий. Так, ФРГ резко, в 3 раза и более, снизила "потолок" контингента бундесвера в Ливане (в рамках миссии ООН UNIFIL) через 3.5 года, в Афганистане (в рамках миссии ООН/НАТО ISAF) – спустя 10 лет, в Сомали (военно-морская операция ЕС "ATALANTA") – через 11 лет с момента развёртывания первых миротворческих подразделений[1]. Отнюдь не во всех случаях (особенно в Афганистане и Сомали) сокращения сопровождались повышением боеспособности национальных сил безопасности в их борьбе с незаконными вооружёнными формированиями.

[1] Рассчитано авторами на основе данных сайта https://www.bundestag.de

Второй сценарий – попытка перезапуска процесса урегулирования с целью достижения "точки невозврата", пусть с опозданием. Странами Запада, в том числе ФРГ, такая тактика реализовывалась не единожды. Так, на афганском направлении в начале 2010-х годов было принято решение о краткосрочном резком наращивании усилий для создания условий последующей афганизации (отчасти по аналогии с вьетнамизацией) процесса урегулирования. Неоднократно (в начале 2000-х и в середине 2010-х годов) предпринимались попытки перенастроить поиск путей выхода из тупика гражданской войны, отягощённой активностью террористической группировки "Аш-Шабаб", в Сомали. Однако следует признать: эти усилия не принесли желаемого результата, что во многом объяснялось неготовностью и неспособностью официальных властей и сил безопасности конфликтогенных стран принимать на себя доминирующую нагрузку в борьбе с силами, дестабилизирующими государственную систему.

Основные результаты участия ФРГ в решении "малийского вопроса". Есть ли основания для того, чтобы считать события в Мали реализацией второго сценария, но в качественно новой форме? На первый взгляд, учитывая неконституционный характер смены власти 18–21 августа 2020 г., можно предположить отрицательный ответ. Однако для получения точного "вердикта" необходимо обратиться к достигнутым по состоянию на конец 2010-х годов результатам урегулирования с участием ФРГ и, соответственно, перспективам этого процесса.

С февраля 2013 г., то есть с момента подключения к урегулированию вооружённого конфликта в Мали, германская сторона активно использовала возможности сотрудничества в рамках тандема с Францией, традиционно имевшей сильные позиции в Западной Африке в целом и в Мали в частности. Так, контингенты бундесвера были одновременно направлены в состав военно-тренировочной миссии ЕС EUTM Mali и миротворческих сил Африканского союза AFISMA (с мая 2013 г. переформатирована в многопрофильную миссию ООН MINUSMA). В первом случае инструкторы бундесвера были ответственны за обучение частей малийской армии, то есть участвовали в вертикальной составляющей процесса урегулирования – глубоком реформировании государственной системы и особенно сектора безопасности. Во втором случае ФРГ первоначально, на протяжении 2013–2015 гг., ограничилась оказанием логистической и медицинской поддержки государствам-партнёрам в их действиях по обеспечению мира и миротворчеству – горизонтальной компоненте урегулирования. Прежде всего Германия направляла свою помощь боевым французским частям, проводящим силовую операцию "Serval", нацеленную на разгром террористических группировок "Ансар Ад-Дин" и "Аль-

Каида в Магрибе" и блокировавшихся с ними радикальных туарегов-сепаратистов [3, S. 4–6].

Показательна та внутриполитическая обстановка в Мали, в условиях которой ФРГ пошла на развёртывание разнопланового военного присутствия в этой стране. Первоначально, зимой–весной 2012 г., основу антиправительственных сил составляли вооружённые туареги, в том числе бывшие военнослужащие армии М. Каддафи, сумевшие установить контроль над огромными, занимавшими две три территории страны, но слабозаселёнными малийскими провинциями Гао, Кидаль и Томбукту. Наметилась и стремительно возрастала радикализация повстанцев. Ключевую роль стали играть "Ансар Ад-Дин" и "Аль-Каида в Магрибе", к которой примкнула настроенная наиболее непримиримо к официальному Бамако часть туарегов. Формирования этих группировок продвигались к столице, что делало реалистичным превращение всей территории Мали в огромную "чёрную дыру". В условиях неспособности властей оказать эффективное сопротивление антиправительственным формированиям 21 марта–7 апреля 2013 г. в Бамако малийскими военными во главе с капитаном А. Саного был отстранён от власти президент А.Т. Туре и значительная часть министров его кабинета. Приступивший к исполнению обязанностей главы государства спикер парламента Д. Траоре не обладал достаточной легитимностью – как на подконтрольных официальному Бамако территориях, где значительная часть населения требовала прямого сохранения у власти мятежных военных, так и на уровне международного сообщества. В свою очередь, силовая смена власти привела к провозглашению 6 апреля 2013 г. независимого государства Азавад на подконтрольной антиправительственным силам территории, не получившего, однако, международного признания.

Весьма условная легитимность новых властей в официальном Бамако отнюдь не стала препятствием для оказания им помощи, в том числе военной, со стороны Франции (с января 2013 г.), Германии и Европейского союза в целом (с февраля 2013 г.) [4, S. 3–5]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Афганистане в 2001 г. и Сомали в 2010 г., когда ФРГ под эгидой ООН и ЕС направляла инструкторов и подразделения бундесвера для оказания помощи временным (переходным) властям. При этом для Германии неотъемлемым условием наращивания объёмов своей военной поддержки являлась легитимизация руководства стран, пытавшихся встать на путь постконфликтного развития. В случае Мали с этой целью, во-первых, были проведены в два тура (28 июля и 11 августа 2013 г.) президентские выборы, завершившиеся победой И.-Б. Кейты. Но они проходили лишь в южных и центральных провинциях страны, в то время как в северных продолжалась активная борьба с незаконными формированиями. Во-вторых, германо-французский тандем принял на себя функции посредника, а де-факто и координатора межмалийских – официального Бамако и умеренных туарегов – переговоров, проходивших в Алжире. 15 мая и 20 июня 2015 г. сторонами были подписаны (две даты объяснялись размежеванием между группировками туарегов) договорённости о примирении. В их основе лежала формула окончательного "обнуления" независимости Азавада, то есть согласия с распространением юрисдикции официального Бамако на северомалийские провинции взамен на предоставление им широкой культурной и финансовой автономии, то есть федерализации страны. В военной сфере это подразумевало разоружение большей чести отрядов умеренной оппозиции с возможностью интеграции её бывших бойцов в малийские вооружённые силы с целью придания им межнационального характера. Особо оговаривалось формирование совместных патрулей (из регулярных войск, а также местных сил самообороны) в северомалийских провинциях [1, S. 5].

Подписание договорённостей – германской стороной они рассматривались в качестве дорожной карты урегулирования вооружённого конфликта [1, S. 5] – резко поднимало степень легитимности не только властей Мали, но и фактора иностранного военного (как миротворческого, так и в составе тренировочной миссии) присутствия внутри страны. Это открывало широкое окно возможностей для наращивания масштабов использования бундесвера с целью достижения "точки невозврата". Следует подчеркнуть, что избранная перекрёстная схема – вертикальная (участие немецких военных в реформе сектора безопасности) и горизонтальная (миротворческая деятельность) – оставалась неизменной. Впервые из всех вооружённых конфликтов, в урегулировании которых участвовала ФРГ, бундесвер в Мали использовался параллельно в двух профильных миссиях (притом под эгидой разных международных структур – ЕС и НАТО), в отличие от Афганистана, где все указанные виды деятельности осуществлялись в рамках единого механизма ISAF. С нашей точки зрения, нововведение объяснялось стремлением избежать перекосов в сторону одного из компонентов – прежде всего фокусирования на миротворческой деятельности, то есть войсковом использовании контингентов внешних стран-участниц урегулирования конфликта, в ущерб подготовке боеспособных и достаточных по численному составу национальных кадров армии, полиции, спецназа, которые должны были постепенно принимать на себя тяжесть борьбы с незаконными вооружёнными формированиями. Каковы же особенности и результаты участия Германии в решении каждой из этих задач на малийском направлении к началу 2020-х годов?

Вслед за подписанием договорённостей 2015 г. германская сторона пошла на одновременное наращивание своего контингента в составе миссии MINUSMA: его потолок был увеличен со 150 военнослужащих в 2013–2015 гг. до 650 в 2016-м и 1100 в 2018-м [6, S. 3] с соответствующим расширением спектра задач. Помимо сугубо вспомогательных (оказание логистической и медицинской поддержки войскам государств-партнёров) Бундестаг с 2016 г. санкционировал использование бундесвера непосредственно в миротворческой деятельности. Бундесвер принял на себя функции "рамочной нации" в комплектовании и деятельности многонациональной группировки сил MINUSMA, базирующейся на базе "Лагерь Кастро" в г. Гао (административный центр одноимённой провинции, бывшая формальная столица Азавада). В реалиях 2020 г. в её состав входили также контингенты Бельгии, Дании, Ирландии, Литвы, Нидерландов, Швейцарии, Швеции (с заменой его в 2020/2021 гг. на контингент Великобритании), Эстонии [6, S. 6]. Тем самым ФРГ демонстрировала своё мягкое лидерство в рамках Евро-Атлантического сообщества на одном из важнейших направлений – приложении его усилий в урегулировании конфликтов вне зоны ответственности НАТО. Бундесвер сфокусировался на организации охраны и логистического функционирования базы "Лагерь Кастро", осуществлении тактической разведки – прежде всего с использованием беспилотных летательных аппаратов (от среднегабаритных "LUNA" и "LUNA NG" до крупногабаритного "Heron-1") и штабном управлении в интересах всей миссии [6, S. 3–7]. Интересно, что германские войска активно сотрудничали с французскими, проводившими операцию "Бархан", в отличие от "Сервала" имевшую существенную небоевую компоненту, однако действовали параллельно с ними и отказывались от собственно силового применения своего потенциала, о чём неоднократно просил официальный Париж. Тем самым ФРГ демонстрировала широкую автономность в рамках тандема с Францией на малийском направлении.

При использовании бундесвера в составе MINUSMA особое внимание уделялось имплементации на практике договорённостей от 15 мая и 20 июня 2015 г.: обеспечению безопасности при проведении муниципальных (2017 г.), президентских (29 июля и 12 августа 2018 г.), парламентских (19 апреля 2020 г.) выборов в северомалийских провинциях. Ареал использования немецкого воинского контингента постепенно расширился: с Гао он распространился на провинции Кидаль и Томбукту. При активной политико-военной поддержке Германии в феврале – первой половине марта 2020 г., то есть накануне основной волны коронавируса, в городах этих провинций были сформированы совместные – с интегрированием в состав регулярных малийских войск бывших комбатантов военизированных отрядов "умеренных" туарегов – гарнизоны [6, S. 4]. Эти меры стали частью усилий официального Берлина по оказанию внешней поддержки процессу децентрализации управления на севере Мали [2, S. 7–11], то есть действиями уже по горизонтальной составляющей урегулирования.

В составе военно-тренировочной миссии EUTM Mali ФРГ, по сути, приняла на себя функции "рамочной нации", внося наибольший удельный вклад в общую численность личного состава, планирование и осуществление деятельности, а также в управление. Так, установленный Бундестагом потолок контингента бундесвера в составе EUTM Mali поэтапно возрос со 180 солдат и офицеров в 2013 г. до 350 в 2018-м [1, S. 3–4] и 450 в 2020-м [6, S. 3], что отражает существенное увеличение объёмов деятельности миссии ЕС. При этом фактическое количество военных инструкторов было меньшим (разница с формально установленным верхним пределом могла достигать 5 раз). Начинавшийся с переформирования подразделений с целью увеличения в них числа "активных штыков" посредством сокращения сил обслуживания, а также придания им межплеменного характера, процесс обучения включал в себя не только боевую подготовку, но наряду с ней политическое просвещение. Военнослужащим объяснялись демократические принципы и ценности, практическая целесообразность их привития в Мали. Целеполагание этих "политзанятий" состояло в выработке у военнослужащих социокультурного кода приверженности федеративному устройству страны и недопущению их участия в неконституционных действиях [5, S. 2–3]. Занятия по боевой подготовке включали поэтапное решение возрастающих по сложности задач: обучение отдельно взятого бойца – отработка его действий в составе мелких подразделений (до роты), проведение батальонных тактических учений с целью окончательного слияния отдельных переобученных частей в единый военный механизм. Части малийской армии с мая 2014 г. принимались на обучение (первичный цикл – 16 месяцев) партиями: изначально по 4 батальона, а с февраля 2016 г. уже по 8 батальонов (в среднем по 600–650 военнослужащих в каждом). Следует подчеркнуть, что по завершении подготовки к этим частям прикреплялись офицеры миссии EUTM Mali (прежде всего из бундесвера), ответственные за мониторинг политических настроений и контроль соблюдения прав человека, особенно в отношении новобранцев, в войсках [1, S. 4–8]. С 2018 г., с учётом фактора обновления личного состава – увольнения отслуживших и замены их новобранцами, ранее обученные части также стали приниматься на повторную переподготовку. Соответственно, Германия и её партнё-

ры по ЕС как минимум де-юре сохраняли за собой разнохарактерные формы контроля над войсковыми частями и подразделениями армии Мали. Насколько широк был его охват?

Увеличившись с середины 2010-х годов почти на 20%, численность вооружённых сил Мали к началу 2020-х годов достигла 20 тыс. солдат и офицеров [2, S. 11]. С момента запуска механизма EUTM Mali в 2013 г. по состоянию на март 2019 г. были обучены и переподготовлены 13 тыс. военнослужащих [5, S. 2], на май 2020 г. – 15 тыс. [1, S. 5]. Это означало, что даже с учётом обновления состава частей доля подготовленных миссией солдат и офицеров (с сохранением контроля уровня боеспособности и политической благонадёжности) составляла не менее 50–60% всей численности армии Мали. Здесь необходимо подчеркнуть, что ФРГ и её партнёры, прежде всего Франция, имели встроенные инструменты контроля и мониторинга ситуации не только на уровне большинства воинских подразделений ("тела" армии), но и штабов, включая главный ("мозг" вооружённых сил). Во второй половине 2010-х годов бундесвер создал разветвлённую сеть советников в составе органов военного управления не только Мали, но и других стран "сахельской пятёрки" [7, S. 6–12].

Реакция ФРГ на события 18–19 августа 2020 г.: вмешаться нельзя принять? Закономерен вопрос: могли ли Германия и Франция при наличии столь разветвлённой системы контроля и мониторинга ситуации в малийской армии не знать о настроениях военных Мали в пользу смещения президента И.-Б. Кейта? Тем более что мятежников возглавил командир отряда спецназа, находящегося под самым пристальным вниманием иностранных инструкторов, полковник Г. Ассими. Прежде чем сформулировать ответ – два замечания. С одной стороны, основным центром деятельности миссии EUTM Mali оставался лагерь "Геко" в г. Куликоро в центральной части Мали (55 км к югу от Бамако), располагавшийся относительно недалеко от Кати – центра военных мятежников, куда был доставлен арестованный президент И.-Б. Кейта 18 августа 2020 г. С другой стороны, весной–летом 2020 г. правительство ФРГ пошло на резкое сокращение численности своих военнослужащих в составе миссии EUTM Mali: так, если по состоянию на 6 января 2020 г. фактически в ней было 180 солдат и офицеров (при установленной максимальной численности в 450 человек) [8], то на 24 августа 2020 г. – лишь 69 [9]. Объяснялось ли это вспышкой коронавируса? С нашей точки зрения, такой ответ ошибочен: Мали на протяжении первой волны пандемии отнюдь не входила в число её эпицентров, притом не менее важен другой факт – численность германского контингента в составе параллельно действующей миссии MINUSMA оставалась практически неизменной: 864 в январе 2020 г. [8] и 868 военнослужащих в августе того же года [9]).

Исходя из приведённых данных, сложно дать объективное обоснование столь существенного сокращения германского контингента в составе EUTM Mali. О чём это свидетельствует? Невозможно утверждать, что Германия, тем более действуя в тесном тандеме с Францией, не контролировала или как минимум не была осведомлена о настроениях в малийских вооружённых силах. При этом без видимых на то объективных причин ФРГ пошла на существенное кратковременное уменьшение степени влияния на армию Мали – именно в тот период, когда возникло чётко выраженное недовольство военных высшим руководством страны.

Показательна реакция официального Берлина на события 18 августа 2020 г. После антиконституционных действий военных в Мали, во-первых, должны были неизбежно последовать изменения в составе руководства контингентов и групп инструкторов, консультантов, однако этого не произошло. Во-вторых, ни Германия, ни Франция, ни их партнёры не демонстрировали стремления использовать свои контингенты в Мали для противодействия – как минимум блокирования на базе в Кати – сил военных мятежников. В-третьих, официальный Берлин, равно как и Париж, в принципе не рассматривал возможность сокращения и тем более полного свёртывания усилий на каких-либо направлениях урегулирования конфликта в Мали [10]. Наконец, в-четвёртых, показательно восприятие действий малийских военных со стороны МИДа ФРГ. Безусловно, оно было отнюдь не спокойным, но весьма сдержанным: первое заявление МИД ФРГ сделал лишь 27 августа 2020 г. [10], то есть уже после преодоления пика ситуации. И.-Б. Кейту освободили из-под ареста, а новые военные власти в Бамако провели цикл встреч с послами Германии, Франции, США, ряда стран Африканского союза и России, достаточно чётко обозначив причины своих действий [11]. В свою очередь, например, МИД ФРГ в основном сфокусировал внимание на необходимости скорейшего освобождения из-под ареста лиц, задержанных военными 18 августа 2020 г. [10]. Симптоматично, что официальный Берлин, равно как и Париж, не пошёл на использование собственных контингентов в Мали для освобождения И.-Б. Кейты и его ближайших соратников и в целом оказания давления на военных, осуществлявших антиконституционный переворот.

Чем объяснялась такая позиция ФРГ? Процесс урегулирования в Мали в конце 2010-х годов стал пробуксовывать и даже деградировать, несмотря на декларируемые успехи и заметное наращивание усилий ФРГ на всех направлениях. Так, если в первой половине – середине 2010-х годов ежегодные расходы на использование кон-

тингента бундесвера в составе миссии MINUSMA не превышали 50 млн евро в год[2], то в 2019–2021 гг., несмотря на трудности, вызванные пандемией COVID-19, они достигли почти 320 млн [6, S. 3]. В эту сумму не входят ежегодные затраты на деятельность миссии EUTM Mali (порядка 40 млн евро к концу 2010-х годов [7, S. 3]), а также официальная помощь в целях развития, включая и средства, направляемые на повышение эффективности администрирования как в центре, так и на местах – прежде всего в северомалийских провинциях [2, S. 6–11]. Однако эти возраставшие усилия не давали нужного результата: симптоматично, что поводом, фактически идентичным основной причине выступления военных 18 августа 2020 г., стали обвинения властей Мали в неспособности добиться перелома ситуации в обеспечении мира и безопасности.

В чём состояли трудности? В сопоставлении с серединой 2010-х годов существенно возросли возможности террористических группировок по пополнению людьми и вооружением, реорганизации и перегруппировке сил и средств. Растущую роль стала играть организация "Исламское государство[3] в Большой Сахаре" [12, S. 2]. В условиях нанесения поражения главным силам ИГ на сирийско-иракском направлении (ключевая роль здесь принадлежала коалиции Российской Федерации, правительства Сирийской Арабской Республики и Исламской Республики Иран) стремление террористической группировки восстановить слабеющий потенциал проявилось в попытке усилить свои фланговые ветви. Это было продемонстрировано в Афганистане, где, как ни парадоксально на первый взгляд, действия такого рода подавлялись движением "Талибан", и в Западной Африке. В тесной связи с "Боко Хорам" ("Западная провинция Исламского государства") в Нигерии действовало упомянутое "Исламское государство в Большой Сахаре", стремящееся распространить своё влияние на все страны "сахельской пятёрки", начиная с Буркина-Фасо, чья территория прилегает к Мали с юга и юго-востока. Активность ИГ привела к нарастанию напряжённости в центральных, считавшихся начиная с 2012–2013 гг. относительно спокойными, районах Мали. Так, 24 февраля 2019 г. был совершён обстрел самодельными ракетами лагеря сил EUTM Mali "Геко", где основу войск составляли германские военные [1, S. 4–8].

Едва ли не ключевым фактором увеличения трансграничных возможностей террористических группировок становится сращивание их с силами организованной преступности [1, S. 5–6]. Эта проблема, несущая риски сама по себе, усугубляется сохраняющейся недостаточной боеспособностью ряда частей малийской армии, а также ошибками в её применении. Опасаясь мятежей военных, официальный Бамако в период президентства И.-Б. Кейты использовал армейские силы – прежде всего переподготовленные миссией EUTM Mali батальонные тактические группы – мелкими подразделениями (до роты), что резко снижало эффективность их применения.

Насколько значим оказался фактор дробления и распыления сил правительственных войск как причина неудач в полном очищении северомалийских провинций от международного терроризма? Отметим, что именно из-за распыления сил наблюдается острая нехватка войск для патрулирования, блокировки и уничтожения незаконных вооружённых формирований в огромных слабозаселённых провинциях Гао (170.6 тыс. км^2), Кидаль (151.4 тыс. км^2) и особенно Томбукту (496.6 тыс. км^2). Так, личный состав MINUSMA не превышает 13.2 тыс. военнослужащих [2, S. 12], колеблясь в пределах 9–12 тыс., из которых большинство приходится на контингенты стран Африканского союза. Численность войск Франции, занятых в операции "Бархан", охватывающей все страны "сахельской пятёрки", составляет 5.1 тыс. [13, S. 2], численность армии Мали – 20 тыс. [2, S. 8]. Из этого суммарного количества за вычетом сил, используемых вне северных провинций Мали (на западе и в центре страны, других странах региона, в военно-тренировочных лагерях), в Томбукту, Кидале и Гао сосредоточено, согласно нашим подсчётам, не более 22–26 тыс., в том числе 16–19 тыс. непосредственно "в поле". Порядка 50% состава задействованных сил приходится на армию Мали, и оттого, насколько правильно она будет использоваться – концентрированно или, напротив, распылённо, во многом зависит итоговый успех.

Безусловно, активное применение автоматизированной техники, в частности беспилотных летательных аппаратов, особенно со стороны ФРГ, существенно облегчает ведение разведки, то есть отслеживание перемещений боевиков, запасов их вооружений и боеприпасов, значительно (примерно на 20%, согласно нашим подсчётам) увеличивая практические возможности сил MINUSMA и правительственных войск. Однако это лишь смягчает, но отнюдь не снимает проблему "живого" военного присутствия (гарнизонами, кордонами вдоль границ, а также ударными мобильными группами), плотность которого на наиболее уязвимых участках недостаточна при распылении сил правительственных войск. Тем более что в реалиях 2019–2020 гг. перед ними встала необходимость постоянного контроля ситуации не только на севере, но и в центральных провинциях страны.

Симптоматично, что выступления 18 августа 2020 г. начались именно в этом регионе, на воен-

[2] Рассчитано авторами на основе данных сайта https://www.bundestag.de

[3] Запрещённая в России террористическая организация.

ной базе спецназа в Кати, что служит одним из подтверждений осознания военными растущих трудностей урегулирования в Мали. Насколько они реально осознавались в ФРГ? Ещё до пандемии COVID-19 и особенно в ходе её, в частности, в мае–июне 2020 г., когда стало наблюдаться постепенное оживление политических процессов мирного урегулирования, как германские аналитики, в том числе из "мозгового треста" SWP [12, 13], так и оппозиционные силы [5] констатировали деградацию обстановки. Косвенно это свидетельствовало о том, что официальный Берлин не мог не понимать необходимости перезапуска урегулирования. Его результативность исключительно важна для властей ФРГ на фоне намечающегося в условиях "сделки" США с "Талибаном" стратегического ухода из Афганистана, активизации террористических группировок в Ираке, сложности решения "Идлибского вопроса", пробуксовки урегулирования ливийского и украинского конфликтов.

* * *

Таким образом, как ни парадоксально это казалось на первый взгляд, де-факто силовая смена власти в Мали 18–20 августа 2020 г. оказалась выгодна для ФРГ, Франции и их партнёров по ЕС, открывая возможность для перезапуска урегулирования с целью выхода на "точку невозврата". Немаловажно, что, в отличие от аналогичных действий военных в конце марта – начале апреля 2012 г., официальный Берлин, как и Париж, не обозначил заинтересованности в немедленной передаче власти от военных, создавших Национальный комитет спасения народа во главе с полковником А. Гоита, к гражданским силам. С нашей точки зрения, причина тому – сложность поиска политической фигуры, не обладающей внутри- и внешнеполитической "токсичностью" и действительно способной переломить ситуацию. Не исключено, что германо-французский тандем как минимум нейтрально отнесётся к достаточно длительному (в течение нескольких месяцев) сохранению Национального комитета и его частичной интеграции в будущее гражданское правительство при условии реальной активизации борьбы с незаконными вооружёнными формированиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Antrag der Bundesregierung Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8971 03.04.2019.
2. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache19/18080, 25.03.2020.
3. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/1416, 04.05.2014.
4. Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Beteiligung an der EU-geführten militärischen Ausbildungsmission EUTM Mali. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/12367, 19.02.2013.
5. Antrag der Abgeordneten und der Fraktion der AfD. Militärmission EUTM Mali beenden. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19154, 13.05.2020.
6. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19004, 06.05.2020.
7. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19002, 06.05.2020.
8. Die aktuellen Einsätze der Bundeswehr. Statista de. 06.01.2020. https://de.statista.com/infografik/14715/soldaten-der-deutschen-bundeswehr-nach-mission-im-ausland/ (дата обращения 28.08.2020).
9. Anzahl der an internationalen Einsätzen be-teiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. Statista de. 24.08.2020. https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (дата обращения 28.08.2020).
10. Auswärtiges Amt zur Situation in Mali. Auswärtiges Amt. 27.08.2020. https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/mali-freilassung-keita/2378680 (дата обращения 28.08.2020).
11. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 27 августа 2020 г. https://www.mid.ru/web/guest/ukraine/-/asset_publisher/HfLxJk5I2xvu/content/id/4302496#14 (дата обращения 28.08.2020).
12. *Kinzel W.* Mali, der Terror im Sahel und Covid-19. Das neue Bundeswehr-Mandat für die Beteiligung an MINUSMA // Stiftung Wissenschaft und Politik. SWP-Aktueel. 2020. April. № 27. 4 S.
13. *Tull D.M.* Deutsches und Internationales Krisenmanagement im Sahel. Warum sich die Diskussion über die Sahelpolitik im Kreis dreht // Stiftung Wissenschaft und Politik. SWP-Aktuel. 2020. Juni. № 43. 4 S.